

Жизнь и искусство. Киев.

1894. 27 марта. № 104.

С. 3-4.

Капризы и дѣло.

II.

22-го марта 1894 года.

Речь будетъ о двухъ хорошихъ книжкахъ и одномъ обидчивомъ авторѣ.

Журналъ „Артистъ“ въ послѣдніе годы занимается не только самоиздательствомъ, но и издательствомъ, выпуская въ свѣтъ, но большей части, произведенія своихъ же сотрудниковъ—изящнѣйшими томиками—миніатюрами на французскій ладъ. На дняхъ редакція доставила мнѣ два новыхъ такихъ томика, содержащихъ въ себѣ произведенія беллетриста Ивана Щеглова.

Wart Ras palasa, a рясас Раса, какъ говорятъ поляки. Наданіе стоитъ автора, а авторъ—изданія. Е. Щегловъ—одинъ изъ талантливѣйшихъ представителей послѣдъ-тургеневской беллетристической школы. Прощу извиненія, что не называю ее, какъ принято, „молодой“.

На мой взглядъ, главнѣе этого названія въ арсеналѣ русской критики имѣются только два еще: „многообещающій“ и „подающій надежды“. Много обещать, подавать надежды и быть молодымъ—три не то привилегіи, не то хроническихъ болѣзней, неразлучныхъ съ карьерою беллетриста, начинавшаго свою дѣятельность въ восьмидесятихъ годахъ. Человекъ пишетъ и печатается дѣтъ десять-пятнадцать, и все еще ничего не сказалъ, а лишь обещаетъ сказать. У него сѣдина въ бородѣ, бѣсъ въ ребрѣ, лысина во всю голову, сынъ готовится къ экзамену зрѣлости, а онъ—подастъ надежды!“ даже для дѣтей кофузно.

—Молодой человекъ! какая профессія у вашего напани?

—Онъ... онъ... онъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ подастъ литературныя надежды „Русской Мысли“.

Откуда вышло это многообещаніе и подаваніе надеждъ?

Главнымъ образомъ, отсюда, что въ

старому не дано (или не дано) понять, что такое надежда. И надежда, собственно, была не дана—никому. Ибо, надежда не можетъ быть дана.

Что же это? Били Тургеневъ, Шопринъ, Острожскій, Достоевскій, Ниссенскій, Зеневскій... и впрямь нѣтъ никого! Нѣтъ, на которыхъ держался беллетристическій міръ, перемерли, у одного нѣтъ уже ни разумъ зашесть и пошесть, онъ нѣтъ беллетристики въ деревню пахать землю, скланивать нечел, сапоги лить и пропанировать г. Рина свои портретами... На чемъ же теперь стоять литературѣ? гдѣ киты новаго прилива?

А критика утѣшаетъ:

—Не плачьте,—будутъ. Денегъ нѣтъ, передъ деньгами, флотовъ нѣтъ, передъ флотами, а китовъ передъ китами. И не только „будутъ“, но даже уже и „суть“, хотя и того... въ зародышѣ. Но — терпѣніе!

Они подростутъ.

Они подростутъ—

На то... Мачеты они!

На что уже опредѣленные, законченные таланты Антона Павловича Чехова и В. Г. Короленко, а и тѣхъ держать какъ бы въ выжидательной позиціи, точно у нихъ въ карманѣ сиротаны еще новыя, невѣдомыя чудеса. Критика законозаглядываетъ имъ въ глаза и умильно убѣждаетъ:

—Сынъ мой! чего ты ждешь? Покажи свой фокусъ!

Но ни Короленко, ни Чеховъ фокуса не показываютъ. Почему? Да потому что никакого фокуса у нихъ и нѣтъ. Оба они—превосходные и сильные таланты, но таланты спеціальныя, своеобразныя и вовсе не призванные замѣнять Тургеневыхъ и Достоевскихъ. Все, что могли, они совершили и совершаютъ. Одному сорокъ лѣтъ, другому подъ сорокъ. Въ эти годы литераторы еще развиваются, но уже не мѣняются, растутъ и идутъ впередъ, но идутъ впередъ по ранѣе выработаннымъ и установленнымъ тропинкамъ. Тропинки Чехова и Короленко извѣстны. Это—очаровательныя проселки, которые, быть можетъ, покажутъ намъ виды, еще болѣе красивые и интересныя, чѣмъ показали до сихъ поръ. Но нѣтъ рѣшительно никакого резона воображать, будто проселокъ вдругъ возьметъ и пре-

1894. 27 марта. № 104.

C. 3-4.

Второй раз в жизни я был в Москве. И потому Чехов и Купчинский, ставшие в Париже моими друзьями, в Москве стали моими учителями. Чехов и Купчинский считали, что писатель должен быть прежде всего человеком. Они считали, что писатель должен быть прежде всего человеком. Они считали, что писатель должен быть прежде всего человеком.

Чем не написать пять строк: quasi-молотые тизанты на киниматуре и мечты, но лучше-ли, быть, решить надежды и обманчив, сущий, изъять предсказаний, лишь по сущанному и деланному? Тогда беллетристика - добыванье, правда, перестает быть радужной мечтой критики и публики, за то делается величиной. Может быть, не бедняшеско, но солидной, не срывающей збавд сь неба, но самостоятельной, определенной. Изъ распылячатоу ничто обрцовывается хоть маленькое нѣчто. А мечта... что мечта? Воиу у Чичикова мечтоу плотникъ Стенанъ Пробка оказался! Съ „Русской Мыслью“, впрочемъ, приключилось еще болѣе грустное событіе: ея излюбленною мечтоу всегда былъ г. Григорій Мачетть.

Нашу литературную эпоху называют переходною. Къ чему?—этого предсказать нельзя. Если народятся новые боги, прекрасно: по идеямъ и заслугамъ будутъ и честь. Но, пока ихъ нѣтъ, надо сознаться, безъ всякихъ иллюзій и гаданий: въкъ литературныхъ силачей—дѣло прошлаго. Они вымерли, какъ звѣри, которыхъ капитанъ Ной забылъ захватить въ трюмъ своего фрегата. Что дѣлать? Всему бываетъ конецъ. Въ Америкѣ вымерли семинны и делавары, въ Англіи — волки, а у насъ—геніи. Англичанину не придется въ голову, глядя по хребту какую-нибудь такуу, увѣрять насъ, что „она обещаетъ быть волкомъ“. Зачѣмъ же критики клянутся намъ, будто Потаненки, Мачтеты, Сержи Фялинцовы—личики, изъ коихъ, какъ нить дадутъ, выдунятся Толстые, Нисемскіе, Островскіе и tutti quanti?!

Литературная карьера г. Щеглова — приятное исключение из общего правила. При его появлении в беллетристику никто не кричал ура, и в воздухе чечетки не летели. Будущего ему не пророчили, в семичисленные сапоги его не обували, на ковер-самолет не сажали, а сразу приняли его таким, как

Вспомогательные материалы к проекту «Судьбы курдов в России»

Писатель — человек неслыханно честный и искренний. Шелловский не притворяется, что знает больше, чем на самом деле знает. Он уверенно сформулировал свой путь по опреледеленной орбите не слишком широкого, зато правильного размаха. Шелловский писатель простой, искренний и следовательно — оригинальный. Он не владеет психологическими эффектами у Вурж и quasi- натуралистическими у Эмиля Зола. У него все дело в личной впечатлительности и впечатлительных. Увидеть что нибудь, заставить у чего при этом известные струны в душе. — все это он и изложить весьма умно, последовательно со теплым чувством и — прекраснейшим русским языком. Книжки Щеллова попались мне в руки прямо после „Перевала“ П. Д. Боборыкина и, спасибо имъ, позволили мозгам отдохнуть отъ ужасовъ и прыжковъ франко-русского жаргона, усвоенного „нашими маститыми выскочками тинтинистами“. Я твердо уверень, что въ родословномъ древе г. Боборыкина значится где-нибудь по женской лини г-жа Курдюкова, герония незабвенныхъ мятлевскихъ „Генаций дагы латранжи“; такъ много наследственныхъ курдюковскихъ чертъ въ „Перевалѣ“. Право, для полной иллюзии не хватаетъ только знаменитаго курдюковского эниграфа: де бонъ тамбуръ де баскъ дерьеръ де монтанъ“...

Щегловъ беретъ сюжеты изъ трехъ міровъ русскаго общества: военнаго, литературнаго и театральнаго (главнымъ образомъ, любительскаго). Если бы я писалъ рецензію, я подробно остановился бы на повѣсти „Убыль души“, гдѣ авторъ превосходно разбирается въ трагедіи: могучаго фельетониста, изыскаивающаго талантъ—въ дрянной работѣ, а довольство жизнью—въ дрянной семьѣ и въ дрянномъ обществѣ. Отъ презрѣнія къ себѣ и людямъ фельетонистъ убиваетъ себя: бросается съ четвертаго этажа въ пропасть лѣстницы. Гаршинская смерть. Вообще у г. Щеглова есть страстишка вводить въ свои произведенія факты или

C. 3-4.

— Видите, какое исчисление, — даже имена сошлись. А г. Щеголь — никакой Марты X. X. и в глаза не видеть. С г. «Поручиком Носковым» мышо еще удивительнее: отменяет и поручик и Носков. И в точь в точь такой, как описывает г. Щеголь. Он предполагает, поэтому, что я писал в такое же изложение, как анонимные Марты X. X. и поручики Носковы. Я удивлен, говорю, что, если бы решились «Касня» написать мне по секрету изощрения

Жизнь и искусство. Киев.

1894. 27 марта. № 104.

С. 3-4.

них явля, они оказались бы мнѣ совершенно чужими". Не думаю, но — разъ г. Щегловъ заявляетъ это искренне — очень радъ за него, потому что, повторю, онъ изъ моихъ литературныхъ симпатій, а всегда неприятно, когда симпатичный писатель вымещаетъ да, говоря попросту, и „брендитъ". И ужъ если судьба ему сбрендить, пусть лучше брендитъ безосновательно, чѣмъ по плану.

Г. Щегловъ изображаетъ, будто назывъ враждебныхъ ему критическихъ отзывы — результатъ лже-либеральнаго холопства предъ Толстымъ и толстовскимъ движениемъ. О народѣ, говорить, шипи, что хочешь, а о народникахъ — и думать худо не можъ: загрызуть. Это отчасти справедливо. Но мнѣ жалъ, что какъ овсянка басни пошла съ сѣтъ вмѣстѣ съ проблемами, такъ я, по мнѣнію г. Щеглова, пошла, за компанію, съ г. Чуйко есс., въ народники, толетины и „либералы". Я боюсь этихъ кличекъ, похожихъ въ наши дни на ругань. Вовсе не желаю быть союзниками и тати сопричисленъ. Убѣжденный прогрессистъ — западнистъ и эстетикъ, я менѣе, чѣмъ кто-либо, возстаю бы противъ намѣренія г. Щеглова покарать заслуженной сатирой госнодъ толстовцевъ на ручномъ трудѣ: движение пельное и безусловно вредное, тормазъ цивилизаціи, у которой оно отнимаетъ работниковъ и бойцовъ. Я даже посоветовалъ бы г. Щеглову съ меньшимъ усердіемъ быть поклоны предъ самимъ „великимъ оригиналомъ" толстизма и предъ „мучительными и чистыми порывами яснополянскаго мудреца": оригинальничанье великаго оригинала и измѣнчивые, какъ море, порывы яснополянскаго мудреца погубили своею неустойчивостію и зыбкостью черезчуръ много не-оригиналовъ и не-мудрецовъ. Пойду дальше. Самое предприятие г. Щеглова поразить гнру толстовщины картинами, какъ пельно устраиваютъ свой бытъ толстоины, кажется мнѣ наивнымъ и вовсе несмысленнымъ. Прочтеть читатель и скажетъ:

— Да, несказанно... А, можетъ быть, оттого и несказанно, что ужъ больно великое дурачье подобралось къ эту купажскую компанію. А, сойдемъ народъ толстовцевъ, а вотъ бы что-нибудь путное вышло... Въѣдь, какъ видите, а толь некому

этому дать не простой человекъ, но одна изъ первыхъ головъ въ Россіи.

Повесть г. Щеглова — партизанская выходя противъ крошечнаго отряда толстовской арміи. Но партизанскія дѣйствія хороши лишь тогда, когда расколоты главный корпусъ непріятеля. Денисъ Давыдовъ, Платовъ, Фигнеръ являются на сцену постѣ Бородина и Москвы, а не до: раньше они были бы безсильны и слѣдовательно, безцѣльны. Они не въ силахъ были разбить Наполеона, но по частямъ колотили его уничтоженную армію, т. е. жертвы уничтоженнаго полководца. Г. Щегловъ дѣйствуетъ наоборотъ: Наполеона толстизма онъ оставляетъ въ сторонѣ, во всемъ величіи его авторитета, а бьетъ по увлеченнымъ имъ жертвамъ — послѣдователямъ. Что же тутъ особенно дерзкаго?

Какъ протестъ противъ толстовцевъ, сочиненіе г. Щеглова совѣмъ не гражданскій подвигъ: что-жъ вымѣшивать сбившихъ съ толка людей? — ихъ не карать, а гнѣбить надо. Но, въ качествѣ косвеннаго памфлета на антисоціальную проповѣдь самого гр. Л. Н. Толстого, „Около истины" могла бы быть полезна. Фактическая сторона повѣсти очень поучительна. Взять хоть бы потрясающій эпизодъ самоубійства студента Беггина и оставленную имъ записку: „Не знаю, право, кого винить? себя или его? Вѣрнѣй всего, что себя. Боже! разсѣй мою тьму!" Или — тираду литератора Куриленко о томъ, какъ на смѣну крѣпостного рабства годуновскаго пришло крѣпостное рабство толстовское: „Для чего это жили на свѣтѣ такіе великіе писатели, какъ напримѣръ Пушкинъ, Гоголь, Достоевскій? Преподали они намъ великіе уроки, кровью, можно сказать, изопили, поучая насъ настоящей любви къ магушкѣ Россіи, а мы, глядяши, все толчемся на одномъ мѣстѣ и, вмѣсто того, чтобы дружно стать въ ряды обыкновенныхъ честныхъ тружениковъ государства — все разныя интермедіи разыгрываемъ. Чтобы вспомнить того же славнаго Достоевскаго — тотъ, въѣдь, какъ деятель доблѣй при всякомъ удобномъ случаѣ нашей молодежи: что нельзя же любить царя, презирая его основы, что закрѣпощать его въ своихъ шеемныхъ убѣжденіяхъ это своего рода новое духовное крѣпостное право"... Въѣдь вотъ какъ хо-

Жизнь и искусство. Киев.
1894. 27 марта. № 104.

С. 3-4.

ишь иль терпенье иже...
столько убоишим, что...
мать-сыра земля...
Присмотрись, которыми Маркенич и Крестов-
ский иже...
Ложину, г. Щегловъ иже...
ишь антипатію дурости и фантастическую
истеричность. Вотъ и вся разница. А та-
лантъ памфлетиста у г. Щеглова безспорно
большой, какъ не малъ былъ онъ и у
Крестовскаго съ Маркеничемъ или у Лис-
кова въ „Некуда“ и „На пожахъ“. Кстати
— вотъ образчикъ портретной живописи.
Извѣстно, что Лисковъ снискалъ художни-
ка-коммуниста Блюарцева и литератора
Слѣпцова... А — подите-ка, уничтожьте его въ
этомъ, если бы онъ самъ въ этомъ не
признавался!

Г. Щегловъ выступилъ противъ тол-
стизма какъ разъ одновременно съ захо-
домъ Всев. Соловьева противъ другого
мистическаго зла — теософізма. Всев. Солов-
ьевъ велъ свою войну гораздо храбрѣе
и откровеннѣе, — потому, быть можетъ, и
вышелъ изъ нея рѣшительнымъ побѣди-
телемъ. Онъ прямо писалъ разоблаченіе,
т. е. памфлетъ, — всѣмъ была понятна его
цѣль, чего ждать отъ „Жрицы Иды“ и
какъ къ ней относиться. А „Около истины“
— кто ее знаетъ что? Если вымыселъ, —
то зачѣмъ это? Если правда, — то противъ
кого это? и откуда такая странность и
запальчивость? Итъ! для борьбы съ тол-
стизмомъ возможно пока лишь грубое
соловьевское оружіе, т. е. осмѣяніе и ра-
зоблаченіе съ полною гласностью именъ
и фактовъ. Безымянная, т. е. типическая
сатира замолкла въ Россіи послѣ М. Е.
Салтыкова. Вотъ чья смерть съирала въ руку
усыпавшаго толстовцевъ! Я твердо вѣрю,
что, еслибы живъ былъ этотъ великій
сатирикъ-цивилизаторъ, многихъ бы не-
счастливыхъ Кузнецовъ и Александръ упер-
жало его суровое практическое слово отъ
нелѣпой жизни ничегонедѣланія и ниче-
му непротіявленія, такъ горько и смѣшно
описанной г. Щегловымъ.

Ал. А. въ